

*Столпы культуры и ученые мужи
слепили множество замыливых свечей
из воска мудрости нездешней,
но их не разу так и не зажгли
для тех, кто путь искал в ночи кромешной.
Они прекрасных сказок наполни
и, горды собою бесконечно,
почили от трудов и спать пошли.*

Омар Хайям

Перевод Юлия Аранова

Лев и его отражение

В пустыне, где постоянно дул ветер, жил-был лев. Из-за ветра поверхность воды в водоемах, из которых он обычно пил, всегда была покрыта рябью и ничего не отражала.

Однажды этот лев забрел в лес. Там он охотился и играл, пока не устал и не ощутил жажду. Лев отправился на поиски воды и наткнулся на пруд со студеной, аппетитной и совершенно спокойной водой, настолько манящей, что и представить себе невозможно, - ведь, как все дикие звери, лев тонко различал запах воды, и свежий аромат влаги был для него как амброзия.

Итак, он подошел к пруду и нагнулся голову, предвкушая наслаждение этой божественной влагой. Тут наш герой увидел в воде свое отражение и вообразил, что это, должно быть, другой лев смотрит на него.

«Какое невезение, - подумал лев, - эта вода, конечно, принадлежит другому зверю. Мне лучше быть поосторожнее».

Он отступил от воды, но жажда привела его назад, и

вновь он увидел свирепое лицо другого льва, глядевшего на него из воды.

На этот раз наш лев решил напугать «другого льва» и, широко раскрыв пасть, издал грозный рев. Но только он обнажил зубы, как-то же самое сделал, конечно, и «другой лев». Это показалось жаждущему поистине устрашающим и опасным. Лев то отступал, то снова возвращался к пруду, и перед ним снова и снова представляла та же картина.

В конце концов он так отчаялся и измучился от жажды, что решил про себя: «Будь что будет, я напьюсь из этого пруда!» И тут случилось чудо! Только лев прильнул к воде, как «другой лев» тут же исчез!

Идрис Шах

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК ЖИВОПИСИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ КИТАЕ

А.Д. Томашов, ИМ 44

В обыденном представлении язык связан с множеством слов и словосочетаний, образование которых подчинено определенным правилам. Иначе говоря, язык предполагает наличие словаря и грамматики.

Языку мы обязаны не только способностью выражать свои мысли сама мысль немыслима вне языка. Благодаря языку становится возможным осмысленное общение, ему обязано своим существованием само общество.

При этом каждый вид искусства говорит своим языком: живопись – цветом, графика – линией и пятном, скульптура – объемом, музыка – звуком, танец – пластикой жестов, литература – словом. Авторы в своих произведениях с помощью специфичных для того или иного искусства средств выражения расставляют смысловые акценты, выделяют самое существенное. Это позволяет им передавать зрителям, слушателям, читателям различные чувства, доносить до них содержание своих произведений.

Внутренняя связь между образом и смыслом проявилась в характерном для классического китайского искусства синтезе живописи, каллиграфии и поэзии, носящем название «трехсовер-

шенства». Изображения дополняют авторские печати и стихотворные строки, выполненные в каллиграфическом стиле, соответствующем живописной манере. Все составные части образуют специфическое, чисто живописное пространство, подчиненное определенному ритму, заданному сочетанием сущностей и разряжений, наполненности и пустоты, Инь и Ян элементов мировой гармонии.

Живописное произведение, прежде всего, создает определенное поэтическое настроение. Внешние, природные формы служат лишь для передачи внутреннего состояния. Вот что пишет о китайской живописи извест-

ный китаевед В.В. Малявин: «Картины в позднесредневековом Китае оценивали, с одной стороны, по их неосознанному настроению, общей атмосфере, а с другой – по особенностям живописной техники, нюансам «игры туши» на бумаге, внешним изображению как таковому. Предметное же содержание картины имело не большее значение, чем, скажем, сюжет в опере или балете». Восточное «трехсовершенство» снимает противоречие между формой и содержанием, между конкретным и абстрактным, что остается недостижимым идеалом в западной традиции.

Стремление к успеху

Логинов Глеб, ГЭ-21

Человек - это звучит гордо. Жизнь человеческая протекает быстро и мимолетно, на протяжении её каждый из нас задается вопросом о том, каково его место, а если и находим мы свое место, то стремясь занять его, сталкиваемся с великим множеством трудностей и преград. Время говорит нам, что успех никогда не достается легко и просто, а играючи не удастся получить желаемого - города берутся осадой, а если и нет, то известной долей хитрости и коварства.

Но где же набраться этого умения брать города своей жизни, продвигаясь по пути самопознания и успеха так, чтобы продвижение это не

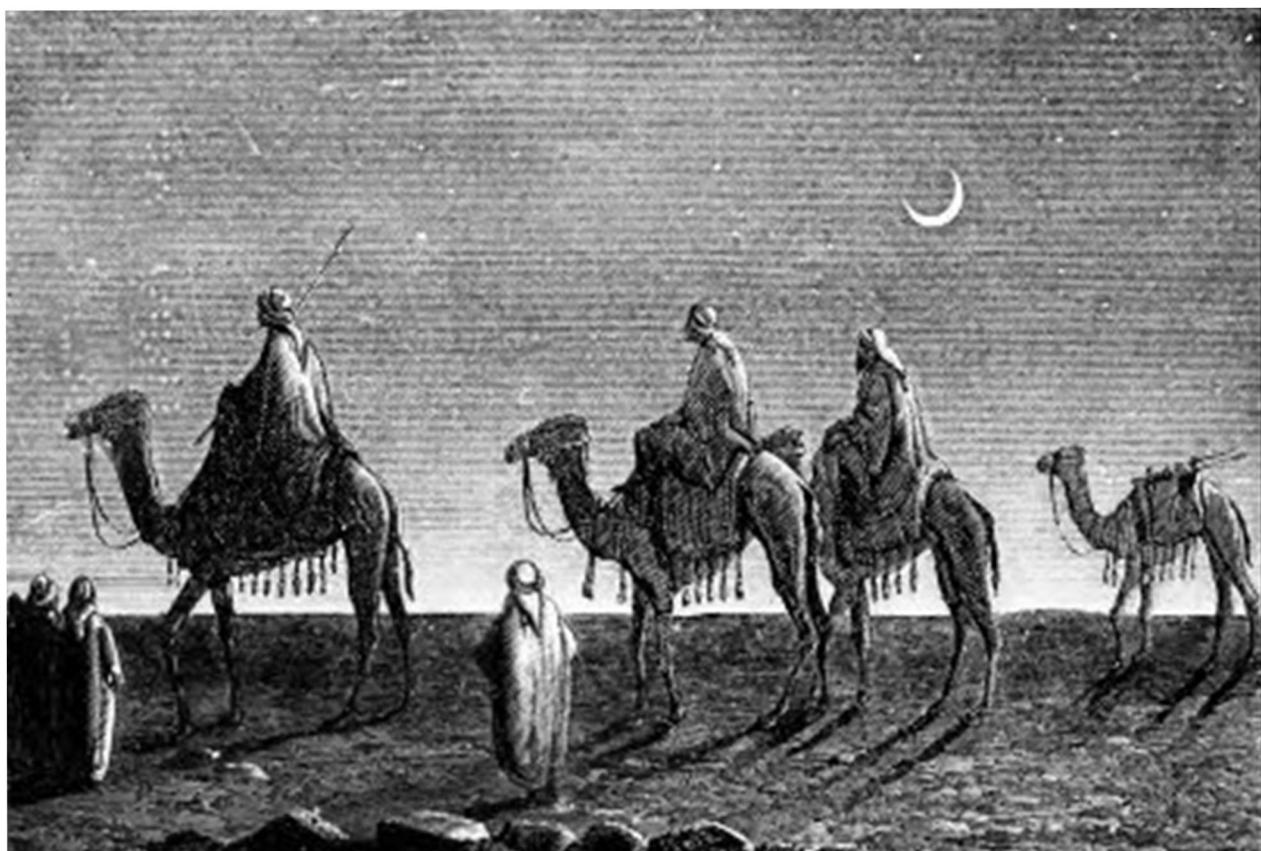
стало губительным бегом по кругу, чтобы не превратилось оно в пустое и бесцельное стремление ухватить себя за хвост?

Этот вопрос является ключевым для каждого, и ответить на него выйдет у каждого по-своему, но чем больше мы задумываемся над этим самым вопросом, тем быстрее, быть может, приходим к выводу о том, что чаша горя также неотделима и от чаши благ. Зевс, греческий бог-громовержец, из сосудов своих, содержащих как блага, так и горести, охотно возвращал каждому заслуженное.

Быть может, каждому из нас нужно стать подателем благ для самих себя, не уповая на манну небесную, не ожидая чуда? Чаша горестей неотделима от чаши благ лишь в нашем сознании, ведь имен-

но там мы находим глубинные корни проблем своих, стремясь поглубже в них изваляться.

Вероятно, и вправду требует от нас жизнь известной доли жестокости, а также острого ума и способности поступиться чем-либо ради достижения своей цели, ведь успех, что манит нас впереди, не подаст руки слабому, но протянет её сильному и достойному. В учении, в работе, труде и отдыхе острый ум, а также, как уже говорилось и не раз, известная доля способности перешагнуть через слабость для каждого из нас сыграет ключевую роль, а если человек сумел закалиться достаточно, он надолго оставит позади чашу горестей, покрепче ухватив сосуд благ, а на голову свою водрузив венец победителя.

Жан-Поль Сартр

110 лет назад 21 июня 1905

родился Ж.-П. Сартр

Человек, будучи осужденным на свободу, несет весь груз мира на своих плечах; он ответствен за мир и за самого себя в качестве способа бытия. Мы берем слово "ответственность" в его обычном смысле, как "сознание быть неоспоримым автором события или объекта". В этом смысле ответственность для-себя является тягостной, поскольку оно (для-себя) есть то, посредством чего существует мир, и поскольку оно есть также то, что делает себя бытием, какой бы ни была ситуация с ее коэффициентом враждебности, даже невыносимым; оно должно принять на себя эту ситуацию с гордым сознанием того, что является ее автором, так как самые худшие неудобства, самые худшие опасности, которые могут угрожать моей личности, имеют смысл только через мой проект; именно на основе моей ангажированности, которой я являюсь, они появляются. Было бы, следовательно, бессмысленно сетовать на это, поскольку никто из посторонних не определяет того, что мы чувствуем, чем мы живем или чем мы являемся. Эта абсолютная ответственность не есть, впрочем, принятие; она — просто логическое требование следствий на-

шей свободы. То, что со мной случается, случается посредством меня, и я не могу на это ни воздействовать, ни взбунтоваться, ни отказаться от этого. Впрочем, все, что со мной случается, является *моим*. Под этим с самого начала нужно понимать, что я всегда на высоте того, что со мной случается, как с человеком, так как-то, что случается с человеком посредством других людей и посредством его самого, может быть только человеческим. Самые ужасные военные ситуации, самые жестокие мучения не создают нечеловеческое состояние вещей; не существует нечеловеческой ситуации; только в страхе, бегстве, в обращении к магическим действиям я буду *выносить решение* о нечеловеческом; но это решение человеческое, и я буду нести полную ответственность за него. Ситуация является, кроме того, *моей*, поскольку она есть образ моего свободного выбора меня самого, и все, что она для меня представляет, есть *мое*, так как это представляет и сим-

волизирует меня. Не я ли решаю вопрос о коэффициенте враждебности вещей с их непредвидимостью, вынося решение о самом себе? Таким образом, в жизни нет *случайностей*; общественное событие, возникающее внезапно и вовлекающее меня, не приходит извне; если я мобилизован на войну, эта война является *моей войной*, она в моем образе, и я ее заслуживаю. Я заслуживаю ее с самого начала, потому что я мог бы всегда уклониться от нее посредством самоубийства или дезертирства; эти крайние возможности должны быть перед нами, когда речь идет о том, чтобы рассмотреть ситуацию. Если я не уклоняюсь от мобилизации на войну, значит, я это *выбрал*; это может быть от безволия, от трусости перед общественным мнением, поскольку я предпочитаю определенные ценности ценностям отказа воевать (оценки моих близких, честь моей семьи и т.д.).

Ж.-П. Сартр
Бытие и ничто